

УДК 82-4
ББК 83.3(4)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-2-11-22

ПУБЛИКАЦИИ О РОССИИ В ЖУРНАЛЕ «REVUE DES DEUX MONDES» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В. П. Трыков

Аннотация. Цель статьи – показать значительную роль, которую сыграл влиятельный парижский журнал “Revue des Deux Mondes” в конструировании образа России в культурном сознании Франции XIX в. Актуальность предпринятого исследования обусловлена обращением к имагопоэтологической проблематике, которая составляет существенную и важную часть проблемного поля современной гуманитаристики. Представляется необходимым в подобного рода исследованиях выявить роль не только художественной литературы, но и публицистики в формировании образа «Другого». В статье дан аналитический обзор наиболее существенных публикаций о России, появившихся на страницах журнала в первой половине XIX в. Выявлена обусловленность трактовки русской темы в журнале его редакционной политикой «умеренности» и «здорового смысла», а также интересом его руководства к проблеме панславизма. Отмечен особый вклад К. Мармье, способствовавшего своими публикациями о России в “Revue des Deux Mondes” знакомству французской публики с социально-политической и литературной жизнью чужой страны. Отмечено усиление интереса к русской тематике в журнале накануне и во время Крымской войны 1853–1855 гг. Сделан вывод, что в публикациях этого периода усиливается пропагандистский элемент, нарастает критицизм по отношению к России, легитимируется участие Франции в войне. Однако даже в этот острый период русско-французских отношений изданию в целом удалось сохранить сбалансированное освещение русской жизни и остаться важнейшим источником информации о России для французской читающей публики.

Ключевые слова: Россия, публицистика, панславизм, Крымская война.

© Трыков В. П., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

PUBLICATIONS ABOUT RUSSIA IN THE JOURNAL «REVUE
DES DEUX MONDES» IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

V. P. Trykov

Abstract. *The purpose of the article is to show the significant role played by the influential Parisian magazine “Revue des Deux Mondes” in constructing the image of Russia in the cultural consciousness of France in the 19th century. The topicality of the research is defined by addressing the imagopoetological problems which comprise a significant part of modern humanitaristics. It seems necessary in such studies to identify the role not only of fiction, but also of journalism in the formation of the image of the „Other”. The article provides an analytical overview of the most significant publications about Russia, which appeared in the magazine in the first half of the 19th century. The conditionality of the interpretation of the Russian theme in the magazine by its editorial policy of „moderation” and „common sense” is revealed, as well as the interest of its leadership to the problem of pan-Slavism. The special role of K. Marmier, who contributed in his publications about Russia in “Revue des Deux Mondes” to the acquaintance of the French public with the socio-political and literary life of a foreign country is noted. The rising interest towards Russia in the publications before and during the Crimean war of 1853–1855 is highlighted. It is noted that the propaganda element, criticism towards Russia and legitimizing France’s participation in the war increased in that period. However, even in this critical period of Russian-French relations, the publication as a whole managed to maintain a balanced coverage of Russian life and remain the most important source of information about Russia for the French reading public.*

Keywords: *Russia, journalism, pan-Slavism, the Crimean War.*

Парижский журнал «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») был основан в 1829 г. швейцарским типографом Франсуа Бюлозом (1803–1877). Издание стало влиятельнейшим французским журналом XIX в. Не любивший Бюлоза французский писатель Барбе д’Оревилли не мог не признать, что «“Revue des Deux Mondes” – единственный журнал, к которому прислушивается общественное мнение во Франции» [1, р. 21]. В редколлегию журнала входили А. де Мюссе, Ш.-О. Сент-Бёв, Жорж Санд. В журнале были опубликованы произведения Гюго, Стендаля, Бальзака, Мериме, других крупных французских писателей.

Оставаясь до самой смерти бессменным главным редактором журнала, Бюлоз видел его предназначение в том, чтобы знакомить французскую читающую публику с жизнью других стран и народов. Акцент делался на политике, понимаемой широко,

как «знание обо всем, что образует устройство и жизнь народов» [2, р. II], административном и политическом устройстве страны, ее промышленно-экономическом потенциале, финансах, учреждениях, нравах, религии, особенностях национального характера. Журнал позиционировал себя как «пример системного мышления», под которым понималась не только широта, панорамность взгляда, обстоятельность и аналитизм публикуемых статей, но и достоверность сведений. Предполагалось, что авторами журнала должны были стать люди, побывавшие в стране, о которой они писали, или даже долгое время в ней прожившие и поработавшие.

Появление такого журнала-обозрения было продиктовано изменением общественно-политической и культурной ситуации во Франции начала XIX в. Наполеоновские походы подогревали интерес к другим

странам и народам. Французы стали больше путешествовать. Поражение в войне с Россией ослабило политическое влияние Франции, побудило ее обратить внимание на окружающий мир в поисках потенциальных союзников. Зарождавшийся и утверждавший свои позиции романтизм ознаменовал отход от универсализма XVII–XVIII вв. и пробуждение интереса к «Другому», к чужим странам, народам, культурам, к далеким экзотическим краям. Образованная публика ближе познакомилась с зарубежной литературой (в частности, были переведены произведения Гёте, Шиллера, Оссиана и др.). Культурный горизонт образованного француза расширился. Он хотел видеть мир, больше узнавать о нем. Эту потребность своих читателей одним из первых и уловил Франсуа Бюлоз. Название журнала отражало редакционную стратегию Бюлоза: рассказывать французам о «двух мирах», одним из которых по-прежнему оставалась Франция, а другой простирался за ее пределы, но обретал отныне не свойственную ему прежде значимость, статус самостоятельного и важно-го центра мировой жизни.

До середины XIX в. в общем объеме публикаций материалы о России занимали скромное место. России уделялось не больше внимания, чем Китаю или Индии. Однако уже в первом номере (июль 1829 г.) была помещена статья о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в которой политика России оценивалась как экспансионистская. Приведя факты прежних территориальных приобретений Российской империи (Кавказ, Каспий, Крым, бывшие территории Персии), автор приходит к выводу: «Таким образом, этот колосс медленно движется вперед, как морской прилив <...> Сегодня Россия реализует свой излюбленный проект: Россия хочет Константинополь» [2, р. 149]. Тема российского экспансионизма станет одной из центральных в журнале и неоднократно будет освещаться на его страницах. Образ активной в военно-политическом отношении страны возникает в статьях с характерными названиями:

«Глухая борьба России и Англии в Персии» (№ от 1 октября 1838 г.), «Продвижение России в Центральную Азию» (№ от 15 декабря 1841 г.), «Сибирь и продвижение русской мощи в Азии» (№ от 15 апреля 1858 г.). Довольно широко освещались события Кавказской войны: в 1860-х гг. в журнале была напечатана серия статей члена Академии надписей и изящных искусств Э. Дюлорье о покорении Россией Кавказа под общим названием «Россия на Кавказе», в которую вошли статьи «Регулярная армия казаков и озлобленность туземцев» (№ от 15 января 1860), «Шамиль, его религиозная и политическая миссия, его войны и отступление в Калугу» (№ от 15 мая 1861), «Конец черкесской войны и эмиграция черкесских племен» (№ от 15 декабря 1865).

Дело не ограничивалось политическими и военными вопросами. Следуя заявленной стратегии журнала, в нем печатались разнообразие материалы о состоянии российских финансов, железных дорог, церковно-религиозной и культурной жизни. Так, в январском номере за 1830 г. в разделе «Новости» появилась небольшая информационная заметка о создании в Санкт-Петербурге Восточного института для подготовки преподавателей восточных языков, переводчиков и дипломатов. При этом указывалось точное количество преподавателей, работающих в институте (35 человек), перечислялись изучаемые восточные языки, сообщалось, что институт выпускает журнал, на издание которого выделено 10 000 рублей. В июльском номере за 1830 г. была напечатана заметка «Уральские рудники», в которой с такой же фактографической дотошностью сообщалось о прибытии в Санкт-Петербург обоза с золотом с уральских приисков, было точно указано в фунтах количество добытого золота, отдельно на казенных и частных приисках, названы имена крупнейших владельцев частных приисков. В том же номере напечатана заметка «Положение государственных должников», информирующая читателя, что в России неплательщиков налогов по-прежнему ссылают в Сибирь и что

император Николай I ввел некоторые послабления в этот жестокий обычай, которые подробно перечисляются. В мартовском номере за тот же год в разделе «Разное и смесь» появились две заметки о России: «Торговля России с Китаем» и «Увеличение территории и населения России с 1476 г.». В 1836 г. в рубрике «Европейские дипломаты» журнал напечатал политический портрет российского министра иностранных дел, графа Нессельроде. В июльском номере журнала за 1837 г. была опубликована статья Шарля Бодье «Пушкин», ставшая первой во Франции публикацией о русском поэте обзорно-аналитического характера. Статья содержала краткий биографический очерк о поэте. В ней была дана общая характеристика его творчества в целом и отдельных, наиболее значительных, с точки зрения Бодье, произведений Пушкина. Бодье не сумел по достоинству оценить масштабы пушкинского гения, отказывал ему во «всемирности», но аттестовал его французской публике как первого оригинально-русского поэта.

Между тем в первой половине XIX в. культурная и литературная жизнь России получила довольно скромное отражение на страницах журнала. Исключением стали путевые записки о России французского литератора Ксавье Мармье (1808–1892), публиковавшиеся в нескольких номерах журнала в конце 1842 – начале 1843 гг.¹ Публикациям путевых записок о разных уголках планеты в «Revue des Deux Mondes» отводилось значительное место. На обложке журнала с 1830 г. и в течение длительного времени значилось «Revue des Deux Mondes, journal des voyages, de l'administration, des mœurs etc chez les différens peuples du globe» («Обозрение двух

миров, журнал путешествий, административного устройства, нравов разных народов земного шара»), поэтому в публикации путевых записок Мармье не было ничего необычного, однако в истории открытия России французами они ознакомили важную публику. Это был первый обстоятельный материал обзорного характера о России на страницах журнала. В своих записках Мармье дал широкую и довольно беспристрастную картину общественно-политической и духовной жизни России.

Мармье посетил Россию в 1842 г. Он испытывал искренний интерес к России, изучал русский язык. География визита французского литератора ограничена Финляндией, Выборгом, Петербургом и Москвой и польскими владениями Российской империи.

В отличие от многих предшественников и современников, писавших о России и русских и концентрировавших свое внимание на представителях высших сословий русского общества, Мармье значительное место отводит изображению простого народа: мелких лавочников, крестьян, ремесленников, торговцев, рабочих, о которых пишет с искренней симпатией. С сожалением отмечая невежество простолюдинов, Мармье вместе с тем восхищается разносторонней природной одаренностью русского народа. «Этот народ, еще столь невежественный, оставленный на произвол судьбы, однако наделен от природы удивительной способностью понимать и схватывать все, что предлагает себя его инстинкту. Нищета, нужда, которые зачастую ослабляют или вовсе сокрушают умственные силы, в русском крестьянине напротив пробуждают их, а покорность становится для него мощной движущей силой» [3, р. 735].

¹ Первый очерк «Финляндия, Петербург, русское общество» появился в декабрьском номере за 1842 г. Затем последовали очерки «Москва» в номере журнала от 1 января 1843 г., «Троицкий монастырь. Русское духовенство» – в номере от 15 февраля 1843 г. и наконец «Варшава и Польша» – в номере за 1 апреля 1843 г. В 1843 г. в парижском издательстве «Гарнье» вышла двухтомная книга Мармье «Письма о России, Финляндии и Польше», основу которой составили очерки, опубликованные ранее в «Revue des Deux Mondes». Правда, Мармье добавил некоторые разделы о России, которые не публиковались в журнальной версии: в первом томе книги, например, появился раздел о финской литературе, во втором томе раздел «Дворянство. Управление. Крепостное право» и, что особенно важно, два очерка, посвященных русской словесности – «Народные песни» и «Современная литература» (См.: Marmier X. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne: En 2 vol. Paris: Garnier, 1843).

Мармье понравился Петербург, его окрестности и его высшее общество. Петербург – «красивейший город Европы» [3, р. 740]. Высшее общество хотя и не разбирается в нюансах французской общественной, политической и интеллектуальной жизни, но хочет как можно больше знать о Франции. Оно образованно, знает языки. Литературные новинки Франции быстро распространяются в русском светском обществе. Высшее общество Москвы и Петербурга – плод европейской культуры, а его миссия, с точки зрения Мармье, быть проводником идей цивилизации и прогресса в России.

Высокопоставленные представители российской бюрократии также произвели на француза благоприятное впечатление: они образованны, свободно говорят на нескольких языках, учтивы с иностранцами. Полиция обходительна, хотя и неусыпно наблюдает за иностранцами. Два сословия вызвали критическое отношение Мармье: мелкое чиновничество и духовенство. Представители первого грубы, надменны с посетителями, но пресмыкаются перед вышестоящими и начальством. Описанию нравов духовенства он посвящает отдельный очерк «Троице-Сергиева лавра. Русское духовенство». Его представители по большей части невежественны, грубы и порочны.

Мармье обзавелся многочисленными связями в русской литературной среде: был знаком с Н. В. Гоголем, П. А. Вяземским, П. Я. Чаадаевым, С. П. Шевыревым, П. А. Плетневым, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским. Никто из французов до Мармье не писал так основательно о русской литературе. Однако статьи Мармье о русской литературе не были опубликованы в «Revue des Deux Mondes»; они увидят свет только в составе книги «Письма о России, Финляндии и Польше» (1843). Это тем более странно, что некоторые сведения о польской литературе стали достоянием читателей журнала в очерке Мармье «Варшава и Польша», опубликованном на его страницах 1 апреля 1843 г.

В целом Россия в очерках Мармье представляла как страна отстающая от ведущих

западноевропейских держав, но динамично развивающаяся: «Россия пребывает в замечательном состоянии развития. Ее общественные учреждения, ее мануфактуры, дороги и каналы – все свидетельствует о развитии идей, промышленности в этой стране, что было бы смешно отрицать» [3, р. 733].

Мармье предрекает России большое будущее: «Если беспристрастно посмотреть на природную одаренность, физическую силу, терпение и еще непроросшие ростки этого народа, к которому мы ежедневно применяем эпитет “варварский”, если подумать о том развитии, которое даже самое ограниченное образование могло бы дать ему, можно только догадываться, как далеко он пойдет...» [3, р. 737].

В 1850–1960-е гг. количество публикаций о России в журнале заметно увеличивается. В эти годы Европа приходила в себя после революционной волны, накрывшей ее в 1848 г., и находилась в преддверии Крымской войны 1853–1855 гг. Россия оказалась в фокусе ее внимания. Статья Ипполита Депре «Россия и европейский кризис», опубликованная в номере журнала от 15 марта 1850 г., несла на себе отпечаток тех проблем, перед которыми оказалась консервативно настроенная часть европейского мыслящего общества в условиях кризиса, охватившего Европу. В начале статьи автор заявлял, что Россия – «неведомый мир, доступ в который затруднен» и от которого Запад отделяет высокий барьер [4, р. 1100]. Преградой оказываются не внешние ограничения (настороженность российских властей по отношению к иностранцам, государственные границы, цензура), но различие жизненных принципов, идей и нравов, регулирующих общественную жизнь России и Запада. Однако в условиях европейского кризиса Запад не может более пренебрегать изучением России, которую Депре называет «цивилизацией» [4, р. 1100]. Автор полагает, что в новой ситуации изменился статус России в Европе: «Конечно, невозможно оспаривать, что сегодня Россия играет в Европе весьма внушительную роль, что она пользуется большим

моральным авторитетом» [4, р. 1101]. Она стала критиком и судьей одряхлевшей и пребывающей в кризисе Западной Европы с ее «свободами без правил и философией безысходности» [4, р. 1101].

Моральный авторитет России, по мнению автора, основан на том, что она претендует на роль консервативной, стабилизирующей силы (*“une puissance conservatrice”*) в современной нестабильной Европе. И у нее для этого есть веские основания: она имеет значительный запас политических, социальных и религиозных идей, хорошо организованное, сплоченное общество, сильную и авторитетную власть. Депре видит в России надежду «друзей порядка» [4, р. 1101].

Однако вскоре от комплиментарной части Депре переходит к анализу факторов, которые не позволяют России исполнить взятую на себя роль. Важнейший из них – недостаток у российских властей «чувства меры» (*“manque de mesure”*), проявляющийся внутри страны в самодержавии, а вовне – в экспансионистской политике, в стремлении к новым завоеваниям и территориальным приобретениям, что порождает ответную протестную реакцию, способную перерасти в революцию. Для успешного исполнения стабилизирующей роли Депре советует российскому правительству в его же собственных интересах умерить внешнеполитические амбиции и давление самодержавной власти внутри страны. Таким образом, Депре предпринимает попытку обосновать необходимость для российского правительства отхода от прежней политики будущими выгодами. Только более «гибкая», более примирительная по отношению к Западу и менее наступательная политика сулит России успех в качестве европейского центра консерватизма – настаивает французский литератор.

В основании логики Депре – в высшей степени свойственное французской культуре и ценимое ей «чувство меры», восходящее к традиции горацанской «золотой середины», обогащенное картезианским рационализмом и классицистским представлением о «вкусе» как эстетическом

критерии. Этот культ «здорового смысла», «умеренности», отрицание любых крайностей лежал в основе редакционной политики респектабельного *«Revue des Deux Mondes»*, руководство которого считало все эти качества свойствами «французского духа». В редакционной статье, открывавшей первый номер журнала за 1843 г., подводившей итоги большому и завершеному этапу его существования и носившей характер манифеста, отмечалось, что причиной успеха журнала является то, что он «сумел высоко нести знамя здравомыслия, свойственного французскому духу и ежедневно оскорбляемого и унижаемого» [5, р. 1]. Декларировалось, что и впредь журнал «останется верным здравому смыслу, который является характерной чертой французского духа, всегда враждебного крайностям» [5, р. 1].

Депре призывает российское правительство к умеренности и здравомыслию, не смущаясь тем обстоятельством, что столь ценимое им французское «чувство меры» не уберегло Францию, пережившую в конце XVIII – первой половине XIX в. два государственных переворота и три революции.

Нынешний статус России Депре обсуждает в контексте проблемы панславизма, которая занимала значительное место на страницах журнала с 1840-х гг. В декабре 1843 г. в нем появилась статья А. Лебра «Движение славянских народов. Новые тенденции в России и Польше». В 1844 г. в журнале напечатана серия статей Сиприена Робера о греко-славянском мире, которые затем легли в основу его книги «Панславизм» (1847). Автор противопоставлял русским «чистых славян», к которым относил западных и южных. Русских Робер рассматривал как результат смешения славянского и татарского элементов, отказывая им на этом основании в «чистоте расы». По мысли Робера, мощная, «полуварварская» Российская империя – угроза независимости «чистых славян», и единственный для них выход – объединиться между собой, но не под эгидой России.

На взгляды Робера значительное влияние оказали идеи Адама Мицкевича. В 1849 г.

увидело свет пятитомное сочинение Мицкевича «Славяне», в котором выражена мечта польского поэта о союзе славянских народов, но без России. Мицкевич с настороженностью относился ко всему русскому. Для него русские не являются частью европейской цивилизации, так как они наследники Чингиз-Хана. Роль русских в судьбах славянства должна быть сведена к минимуму. Хотя труд Мицкевича вышел на два года позже книги С. Робера, однако знаменитый поляк, обосновавшийся, как известно, с 1829 г. во Франции, читал в Коллеж де Франс публичные лекции, пользовавшиеся большой популярностью. В лекциях уже были сформулированы основные идеи, которые затем будут систематизированы в «Славянах».

Еще одним источником для Депре стала книга другого поляка-эмигранта Адама Гуровского «Цивилизация и Россия» (1840). Если «Славяне» Мицкевича станут во второй половине XIX в. «евангелием» антирусского славянофильства, то труд Гуровского – один из первых манифестов славянофильства в его, так сказать, пророссийской версии. По мнению Гуровского, Россия – наследница Византии и объединяющая всех славян сила в их движении к цивилизации. Он противопоставлял революционному развитию Европы эволюционный путь России с реформами сверху. В России светская политическая власть покоится на религиозных основаниях. Бог – источник высшей власти. Такая концепция добровольно принята русскими в силу их сугубой религиозности. Царь – отец нации, заботящийся о своих детях. Отсюда – стабильность, порядок и благоденствие в самодержавной России.

В статье Депре упомянуты имена А. Мицкевича, А. Гуровского и С. Робера, что подтверждает его знакомство с их трудами. В сущности, статья Депре – компиляция этих работ. У Мицкевича он позаимствовал представление о русских как «народе-спиритуалисте». У Робера – оппозицию «чистых» и «нечистых» славян (так в статье Депре к «чистым славянам» относит сербов, у которых вследствие этого, в отличие от русских, сильна тенденция к децентрализации). У Гуровского – мысль о роли

религиозного фактора в становлении российского самодержавия. Депре утверждает, что идеал, «порожденный живым воображением русских – священная верховная власть без границ. Русский народ обожествляет не личность, не титул, даже не священный источник верховной власти, но саму эту беспредельную власть как некую чистую и абсолютную сущность, дарующую возможность вершить справедливый суд» [4, р. 1104]. Истоки жесткой, наступательной политики российского императора Депре видит в этом императиве народного сознания, который вынуждает императора соответствовать народному идеалу всемогущего, суверенного и справедливого правителя.

Подводя итоги, можно констатировать, что главная тема статьи – те условия, при которых Россия в ситуации кризиса Европы могла бы сыграть благотворную для последней роль стабилизирующего фактора. Позиция Депре двойственна. С одной стороны, он считает Россию оплотом консерватизма и надеждой для всех «друзей порядка», к которым автор относит и себя. С другой – он надеется на либерализацию политического устройства России и предпринимает обзор тех сил, социальных групп, умонастроений и тенденций в российском обществе, которые могли бы подорвать основу самодержавия (католики и греко-католики среди славян, неомистицизм как инородная тенденция внутри официальной православной церкви, складывающаяся под влиянием идей Сен-Мартена, Ж. де Местр, мадам де Крюднер, вольтерьянство и скептицизм части русской знати, религиозные секты староверов, духоборцев и т. д.). С точки зрения Депре, Россия сможет утвердиться в роли центра консерватизма, если будет проводить менее активную и более сдержанную внешнюю политику. Депре призывает российское правительство к большей «гибкости» и «прагматизму», под которыми понимается неконфликтность по отношению к Западу. Анализ внутренних факторов нестабильности в России, тех сил, которые могут ослабить самодержавное правление, призван показать,

что Запад знает слабые места России и при необходимости сможет надавить на них. Однако в целом общий тон статьи примирительный. Россия не угроза. Российское правительство «нуждается для своего спокойствия в спокойной и мирной Европе» и готово проводить более умеренную и прагматичную политику [4, p. 1123]. Депре, в сущности, конструирует следующую альтернативу для России: умеренная либерализация или революция. Депре был не первым, кто пугал российское правительство революцией. Жозеф де Местр в своих «Четырех неизданных главах о России» предупреждал российского императора об этой угрозе. Однако убежденный монархист де Местр полагал, что причиной революции может стать отмена крепостного права в России, ибо этот акт высвободит те стихийные силы, ту необузданность и страстность, которые, по его мнению, являются отличительными чертами русского народа. В отличие от Ж. де Местра, умеренный либерал И. Депре, напротив, видит единственный способ избежать революционного взрыва – послабления, «умеренность» как во внешней, так и во внутренней политике России, ибо, с его точки зрения, «дух завоевания», свойственный российской внешней политике, и самодержавная власть внутри страны порождают ответную реакцию сопротивления, протеста, которая может перерасти в революцию.

Накануне и во время Крымской войны французское общество испытывало противоречивые чувства по отношению к России. С одной стороны, неприязнь к противнику, а с другой – интерес к нему. «Revue des Deux Mondes», несмотря на свою в целом пророссийскую ориентацию в ситуации надвигавшейся, а затем и разразившейся Крымской войны, не мог противиться общей тенденции. Антироссийский характер носила статья Эмиля Монтегю «Перспективы настоящего момента: об идее всемирной монархии», напечатанная в журнале 1 июля 1854 г. В статье Монтегю излагает свое

понимание причин Крымской войны, которой, как утверждает автор, никто не хотел. Главная причина войны – «дух завоевания» (“l’esprit d’envahissement”), который, вопреки расхожему мнению, не умер в Европе. В отличие от своего великого современника Виктора Гюго, считавшего, что «дух завоевания» свойственен исключительно русским, Монтегю полагает, что им заражены и европейцы. Дух завоевания проявляется в стремлении к мировому господству. Истоки Монтегю находит в Реформации, ознаменовавшей религиозный раскол Европы, и последовавших религиозных войнах между католиками и протестантами. Следствием пережитого стала «страсть к объединению», обуявшая многих правителей и видных политиков Европы и нашедшая свое отражение в идее всемирной монархии. Однако Монтегю рассматривает не только исторические, но и религиозные предпосылки зарождения концепции всемирной монархии. Вслед за Ф. И. Тютчевым и, возможно, не без его влияния Монтегю устанавливает причинно-следственные отношения между религиозными верованиями того или иного народа, определяющими его мирозерцание, и историческими судьбами этого народа. Если Ф. И. Тютчев в статьях «Россия и революция» (1849) и «Римский вопрос» (1850) развивал мысль о том, что католицизм содержит в себе идею революции и неизбежно приводит к ней, то Монтегю в католицизме видит важнейшую предпосылку концепции всемирной монархии. Протестантским странам, по мнению Монтегю, дух завоевания и стремление создать всемирную монархию не свойственны, поскольку дух протестантизма противоречит духу завоевания. Совсем близко Монтегю подходит к концепции Ф. И. Тютчева, когда утверждает, что идеалом всемирной монархии и всеобщего единства была вдохновлена Великая Французская революция, заменившая идею мирового господства королей идеей мирового господства народа¹.

¹ Вышеупомянутые статьи Ф. И. Тютчева были написаны по-французски и опубликованы во Франции, где вызвали широкий резонанс, особенно статья «Римский вопрос», напечатанная в «Revue des Deux Mondes» в 1850 г., что подкрепляет наше предположение о влиянии идей Ф. И. Тютчева на Монтегю.

Изложив свое видение исторических и религиозных предпосылок идеи всемирной монархии, Монтегю переходит к анализу текущего момента. Он полагает, что мечта о всемирной монархии и мировом владычестве не исчезла в современном мире. Не замечая, что он противоречит своему исходному тезису об особой роли католицизма в генезисе концепции всемирной монархии, Монтегю утверждает, что этой мечтой движимы две страны – протестантская Америка и православная Россия: «Две огромные нации, еще слабые, но слабые лишь потому, что у них не было времени собрать и сконцентрировать свои громадные силы, чувствуют себя одержимыми идеей мирового господства: Америка и Россия. Из этих двух одна на данный момент является опасной – Россия» [6, р. 202–203]. Мысль об особой исторической роли России и Америки не нова. Впервые ее высказал французский историк Алексис де Токвиль в книге «Демократия в Америке» (1835). Он утверждал, что будущее принадлежит двум молодым народам – русским и американцам. Именно они в исторической перспективе будут определять судьбы мира. Вторя ему, авторитетный французский литературный критик Ш.-О. Сен-Бёв в своих «Тетрадах» писал: «Есть только два молодых народа – русские, которые, конечно, еще варвары, но это великие варвары <...>, достойные уважения; старой Европе рано или поздно придется считаться с этой молодостью, ибо Россия – это, как говорят, *молодость*. Другая молодость – Америка, юная и хмельная демократия, которая не ведает никаких преград. Будущее мира там, между этими двумя мирами. Однажды они столкнутся» [7, р. 65]. Как видим, у Монтегю не новая в общем-то идея приобретает несколько иной поворот и окраску. Токвиль и Сен-Бёв лишь выражают уверенность в великом будущем двух наций. Для историка и литератора эпохи романтизма залогом этого великого будущего является их молодость, которую столь высоко ценили романтики, создавший культ детства и ребенка. Монтегю общий для двух наций у

Токвиля и Сен-Бёва атрибут молодости заменяет констатацией их временной слабости и дополняет эту характеристику общим для них стремлением к мировому господству, акцентируя при этом опасность, исходящую от России. Появление отрицательных коннотаций в тексте Монтегю вполне объяснимо: он рассматривает статус Америки и России сквозь призму своей концепции всемирной монархии и мирового господства и, конечно, в контексте Крымской войны, в которой Россия являлась противником Франции.

Дополнительным обоснованием особой опасности России становится развернутый психологический портрет русского народа, который рисует Монтегю во второй части своей статьи. Русские особенно опасны, потому что умело скрывают свои амбиции и претензии на мировое господство. Они отличаются удивительной психологической гибкостью, легко перевоплощаются в представителей других народов, легко приспосабливаются. «Они готовы пожертвовать своими привычками, отказаться от своих предрассудков, усвоить ваши уроки, идеи, вкусы и попросят у вас только одного – уважения к их императору, то есть к единственному, что, в сущности, составляет жизнь и душу России. Кроме этого единственного и важного исключения, они насколько не будут докучать вам своим патриотизмом. Но именно в этом и заключена сила национального характера русских; русский народ – самый осторожный и, может быть, наименее глупый из всех народов. Именно это позволяет ему легко и без малейших неприятных последствий для себя быть самым агрессивным. Именно поэтому его трудно сломить и покорить! Этот народ не дает никаких поводов своим недругам; он жертвует всем для достижения своей цели, он откажется от средств, которые могли бы быстрее привести его к ней, если эти средства, по видимости полезные в данный момент, могут оказаться губительными в будущем, если есть хоть малейший шанс, что они могут быть однажды использованы против него. <...> Никакого

ложного стыда, никакой шумной любви к славе. Вот в чем их сила! В этом смысле они самый современный из народов, даже более современный, чем англичане. Каков современный взгляд на жизнь? Идти к своей цели, идти, жертвуя всеми идолами, которым поклоняются народы: славой, военной доблестью, успехом. Идти к ней тихо, пешком, в черных одеяниях и каждый день. Одним словом, побеждать, не выставляя напоказ своего триумфа, без рукоплесканий, фанфар и победных шествий» [6, р. 203–204]. Монтегю полагает, что таким упорством в достижении цели обладает еще лишь один народ – англичане, что обеспечило Англии ее величие и процветание. Однако есть нечто, от чего англичанин никогда не откажется, – от чувства собственного достоинства, что не позволяет ему лгать и малодушничать, поэтому, полагает Монтегю, англичане никогда не умели извлекать пользу из своих недостатков. Этим совершено новым умением в высшей степени обладают русские. «Пусть всякий, кто захочет, сделает из этого факта свои выводы», – заключает свой пассаж-портрет Монтегю [6, р. 204]. Однако автор не удержался от того, чтобы сделать свой. Этот вывод похож скорее на приговор русскому народу: «Грозный по своему характеру русский народ к тому же нашел в современном состоянии Европы опасное оружие. Чтобы эффективно противостоять России, нужно было бы противостоять не только ее армии, но и ее духу, ее идеям, а я с сожалением вынужден признать, что этот дух и эти идеи находят широкое распространение в разных уголках Европы. Ложные доктрины, безнравственные желания, свободы, не сдерживаемые никакими моральными ограничениями, демократические тенденции, страсть к равенству, презрение ко всему, что не приносит немедленной материальной выгоды привело Европу в состояние, когда мечта о всемирной монархии стала еще более опасной, чем во времена Карла V и Филиппа II» [6, р. 205].

Несомненно, что на Монтегю оказала влияние книга А. де Кюстина «Россия в 1839

году» (1843), в которой находим и мысль о целеустремленности как предпосылке величия Англии, и размышления о жертвенности русского народа, его уме, мечте русских о мировом господстве, их осторожности, скрытности [8, р. 185, 231, 236, 251, 307]. Однако в статье Монтегю эти уже не новые идеи и оценки русского народа, а также кризисного состояния Европы, о котором также писал Кюстин в своем сочинении, приобрели внезапную актуальность в ситуации Крымской войны. Оригинальность статьи Монтегю состояла в том, что, опираясь на концепцию всемирной монархии, он объяснял ею причины Крымской войны, которая в такой интерпретации приобретала со стороны Запада характер не завоевательный, но идеологический. В статье ничего не сказано об одной из важнейших причин Крымской войны – ослаблении «больного человека Европы» Турции и стремлении воюющих стран разделить между собой турецкое наследство. Статья имела откровенно конфронтационный по отношению к России характер, однако эта конфронтация обосновывалась ценностными различиями между Россией и Западом: «России надо противостоять не только силой оружия, но, что более важно, ей нужно противостоять в сфере идей, на которые всегда опиралось наше общество до недавнего времени (до конца прошлого века, если угодно)» [6, р. 209].

О каких принципах идет речь? В концепции Монтегю причудливым образом сочетаются монархические и аристократические пристрастия автора с новомодными либерально-демократическими идеями. С одной стороны, Монтегю видит слабость современной Европы в распространении идей равенства и свободы для всех, и хотел бы возврата к эпохе правления Людовика XIV, когда «каждый человек, чье имя было известно, получал причитающуюся ему долю уважения и влияния, не то что в наше время, когда индивидуум утратил свои права» [6, р. 210]. Мысль Монтегю делает удивительный кульбит: эпоха абсолютизма предстает в его оценке временем большей

свободы и уважения личности, чем XIX в. Такая аберрация мысли объяснима элитаристскими воззрениями автора, который с сожалением констатирует исчезновение в современной Франции подлинной элиты в результате демократизации общества. Заметим, что Монтегю выступает сторонником свободы, но не для всех, а для избранных, для тех, «чье имя было известно». Размышляя о соотношении идей свободы и равенства, автор предостерегает против нарушения их баланса и абсолютизации идеи равенства, ибо это, с его точки зрения, приведет к затуханию идеи свободы, политической конкуренции и в конце концов приведет к установлению тирании. «Нет ничего более фатального, чем ложная идея равенства», «Так абсолютная демократия торит дорогу деспотизму», – заключает Монтегю [6, р. 205–206].

Какое все это имело отношение к России? Монтегю видел в России яркую иллюстрацию своей концепции, страну, в которой установилось всеобщее равенство рабов перед императором. Логика расуждений Монтегю подталкивала читателя к ложной мысли, что в России раньше, чем в Европе, были осуществлены на практике идеи, которыми вдохновляется современная Европа. «Россия представляется мне столь опасной только потому, что эти политические тенденции вполне соответствуют нравственному состоянию современной Европы» [6, р. 206]. Взгляд Монтегю на Россию аисторичен. Разумеется, российское самодержавие имело совершенной иной генезис и историческую природу, нежели те, на которые намекал Монтегю, никак не связанные с демократизацией. Однако для Монтегю это не имеет значения. Цель его статьи не историческая правда, а предупреждение, обращенное к Европе. Монтегю призывает Европу образумиться, отказаться от абсолютизации идеи равенства, если она не хочет установления деспотических режимов, подобных российскому, в своих

странах, а в исторической перспективе победы всемирной монархии.

«Русский дух – это ненависть к индивидууму и его поглощение государством на благо деспотической власти. Эта политическая система, основанная на неуважении к человеку, необходима сегодня для установления всемирной монархии», – так Монтегю описывал стратегию России, которой должен противостоять Запад [6, р. 209].

Монтегю позиционировал себя как историка идеи всемирной монархии, стремящегося показать опасные последствия этой идеи [6, р. 208], однако на самом деле был публицистом и пропагандистом, легитимировавшим участие Франции в Крымской войне. Под прикрытием историсофских и культурологических выкладок он создавал идеологему о высокой миссии Франции (и всего Запада) в борьбе с деспотической Россией, мечтающей о всемирном господстве.

Однако даже в разгар Крымской войны в журнале появлялись и довольно объективные публикации о России. Конфликт с Россией пробудил интерес в образованном слое французского общества к русской истории. Журнал оперативно откликнулся на этот запрос. В ноябрьском и декабрьском номерах «Revue des Deux Mondes» за 1855 г. в разделе «Политическая история» были опубликованы два обширных исторических очерка, написанных Огюстеном Пикаром – «Правление царей и русское общество: Россия до восшествия на престол Романовых».

В целом можно констатировать, что даже в условиях войны с Россией «Revue des Deux Mondes» пытался сохранить свою репутацию респектабельного, серьезного издания, представляющего богатую и разнообразную информацию о «Другом» (пусть даже этот «Другой» находится в состоянии войны с Францией) и сбалансированную позицию по самым острым вопросам международной жизни, внешней политики и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Barbey d'Aurevilly. Le XIX siècle. Des Oeuvres et des hommes. Choix de textes établi par Jacques Petit.* Paris: Mercure de France, MCMLXVI. 366 p.
2. *Revue des Deux Mondes.* 1829. juillet-août. P. I–III.
3. *Marmier X. Russie en 1842 // Revue des Deux Mondes.* 1842. 1 décembre. Vol. XXXII. P. 701–755.
4. *Desprez H. La Russie et la crise européenne // Revue des Deux Mondes.* 1850. 15 mars. P. 1100–1124.
5. *Revue des Deux Mondes.* 1843. avril. P. 1–3.
6. *Montégut E. Perspectives sur le temps présent: de l'idée de monarchie universelle // Revue des Deux Mondes.* 1854. 1 juillet. P. 194–210.
7. *Sainte-Beuve Ch. A. Cahiers.* Paris: Gallimard, 1973. 239 p.
8. *Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1. 528 с.*

REFERENCES

1. *Barbey d'Aurevilly. Le XIX siècle. Des Oeuvres et des hommes. Choix de textes établi par Jacques Petit.* Paris: Mercure de France, MCMLXVI. 366 p.
2. *Revue des Deux Mondes.* 1829. juillet-août. Pp. I–III.
3. *Marmier X. Russie en 1842. Revue des Deux Mondes.* 1842. 1 décembre. T. XXXII. Pp. 701–755.
4. *Desprez H. La Russie et la crise européenne. Revue des Deux Mondes.* 1850. 15 mars. Pp. 1100–1124.
5. *Revue des Deux Mondes.* 1843. avril. Pp. 1–3.
6. *Montégut E. Perspectives sur le temps présent: de l'idée de monarchie universelle. Revue des Deux Mondes.* 1854. 1 juillet. Pp. 194–210.
7. *Sainte-Beuve Ch. A. Cahiers.* Paris: Gallimard, 1973. 239 p.
8. *Custine A. de. Rossiya v 1839 godu. In 2 vols. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 1996. Vol. 1. 528 p. (in Russian)*

Трыков Валерий Павлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет

E-mail: v.trykoff@yandex.ru

Trykov Valeriy P., ScD in Philology, Full Professor, Professor, World Literature Department, Moscow Pedagogical State University

E-mail: v.trykoff@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2021

The article was received on 13.01.2021